

ПРОЯВЛЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПСИХОГЛОСС (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ В. М. ШУКШИНА «БРАТ МОЙ...», «КАЛИНА КРАСНАЯ», «ПОЗОВИ МЕНЯ В СВЕТЛУЮ ДАЛЬ...»)

И. И. Большунова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ilona.bolshunova.1993@mail.ru*

Представлен анализ языковых личностей трех героинь произведений В. М. Шукшина через призму их психоглосс. Выбранные для анализа произведения относятся к разному периоду творчества В. М. Шукшина («Брат мой...» (1969), «Калина красная» (1973), «Позови меня в светлую даль...» (1974)), а также тематически не близки между собой. Это позволяет, во-первых, продемонстрировать изменение социальных установок, и, во-вторых, сделать вывод о том, как изменялось отношение самого автора к проблеме женской эмансипации.

Ключевые слова: лексическая психоглосса; когнитивная психоглосса; шукшиноведение; эмансипация; языковая личность.

Русское общество традиционно патриархальное. Роль женщины в нем всегда сводилась к выполнению когнитивных установок «хранительница домашнего очага», «верная жена» и «хорошая мать». Фактически женщины были лишены права решать что-либо в своей жизни. Они становились собственностью сначала своей семьи, потом своего супруга. Этот образ, лишенной возможности выбора женщины, нашел отражение в классической литературе.

Но с приходом нового послевоенного времени женщине пришлось взять на себя функции мужчин: работа, защита семьи, физический труд. Вслед за равными обязанностями они хотели обрести и равные права, что повлекло за собой раскол патриархального строя.

Творчество В. М. Шукшина отразило этапы этого раскола: от полного неприятия мужчинами (избиения, унижение жен) до смирения с главенствующим положением женщин.

Весь этот процесс отразился на формировании нового типа языковой личности. В данной работе будет представлен анализ языковых личностей трех героинь произведений В. М. Шукшина через призму их психоглосс.

Впервые в русскоязычных лингвистических трудах определение **психоглосса** мы находим у Ю. Н. Караулова. Психоглосса – это «единица языкового сознания, отражающая определенную черту языкового строя или си-

стемы родного языка, которая обладает высокой устойчивостью к вариациям и стабильностью ко времени, то есть интегрирует свойства изоглоссы и хроноглоссы на уровне языковой личности» [1, с. 157–158].

В работах современных лингвистов термином **психоглосса** определяются «смысловые образования, которые выявляются на основе частотных показателей сети ассоциативно-вербальных связей и могут соотноситься с соответствующими смысловыми доминантами (акцентуациями) языковой личности, позволяющими судить о целостности или противоречивости (чреватой смыслоутратностью) ее смысловой структуры» [2, с. 127].

Соответственно трем уровням языковой личности различаются и три типа психоглосс: грамматические, когнитивные и мотивационные: «значение грамматических психоглосс состоит в том, что они формируют единую апперцепционную базу говорящих на данном языке. Когнитивные психоглоссы совпадают с типичными категориями образа мира, связаны с представлениями языковой общности о взаимоотношениях элементов окружающей действительности, то есть формируют картину мира этой языковой общности. Мотивационные психоглоссы отражают национальный характер народа, говорящего на данном языке» [1, с. 28–29].

Валя Ковалева – главный женский персонаж повести «Брат мой» [3]. Главная тема произведения – увядание русской деревни. За героиней ухаживает младший брат – Сеня – типичный сельский автомеханик, который видит свою жизнь только в деревне. Сама же Валя в короткий срок влюбляется в старшего брата – Ивана – уже городского жителя, покинувшего родной дом много лет назад.

В образах двух братьев В. М. Шукшин отразил два современных ему взгляда на существование и жизненную перспективу русских деревенских людей. Сама же героиня занимает скорее переходное положение между позицией Ивана и Сени. С одной стороны, она была бы рада переехать в город, но, с другой, деревенская жизнь ее устраивает (она не стремится вырваться из деревни до приезда Ивана, не спорит с отцом о месте сельских жителей). Девушка скорее приспосабливается к предложенным жизнью обстоятельствам.

Ее восхищает городская жизнь, показанная в фильмах: «Иной раз посмотришь в кино, душа заболит, – заговорила Валя. – Вот, думаешь, живут люди! Все нарядные ходят, чистенькие... В комнатах все блестит, все под руками». Но в то же время героиня прочно осела в родной деревне.

В семье Ковалевых царит традиционный для деревни патриархальный устой. Автор изображает нуклеарную модель семьи, в которой главная роль достается отцу. Это продемонстрировано в описании их ужина, во

время которого разговаривать имеет право лишь глава семьи («Один хозяин позволил себе поговорить во время еды»). Имени у главы семьи нет, автор обращается к нему в описании «хозяин». Старший Ковалев ругает всех молодых за то, что они хотят бросить землю и уехать в город: «Уехать – дело нехитрое. А на кого землю-то оставили? Кто же тут-то останется?». В его речи выражены опасения самого В. М. Шукшина насчет человеческого обнищания деревни.

Но Валя хочет действовать самостоятельно, и поэтому она вступает в порицаемую обществом добрачную связь с Иваном. В ее словах отражена новая для советской действительности установка на эмансипацию женщин («захотел парень подойти к девке – подходит. Захотел жениться – идет сватает. А тут сиди выжидай...»). В словах Вали мы видим формирование новой **когнитивной психоглоссы** – равноправие между мужчиной и женщиной, которого хотела бы героиня, но еще не может обрести («Мне, дуре, надо было мужиком родиться, а я вот... Были бы у нас права одинаковые с вами, а то...»).

Рядом с Валею слабые мужчины: Сеня – болтливый и бездейственный, Микола – молчаливый и угрюмый. Изначально Иван становится для девушки единственной возможностью начать другую, свободную жизнь. Но и этот герой оказывается слабым и эгоистичным. Иван бежит от собственных мук совести, предав родного брата и любовь Вали.

Таким же своенравным волевым характером наделена Любовь Байкалова – главная героиня повести «Калина красная». Она совершает смелые поступки (разводится с мужем-пьяницей, вступает в переписку, а после ищет женского счастья с бывшим уголовником), но при этом остается хрупкой и чувствующей натурой.

Любовь говорит всегда прямо, не скрывая своих настоящих мыслей («тоже прямо спросила Люба»), чем отличается от своих подруг. Через нее В. М. Шукшин транслирует потребность в общественном сознании права советской женщины на эмансипацию, в том числе через разрешения для героини выбора себе партнера.

Любовь описана В. М. Шукшиным как рассудительная и умная женщина. Но, хотя внешне она спокойна, внутренний монолог выдает в ней волнение и страх («...точно говорила себе, изумленная своим поступком: “Ну не дура ли я? Что затеяла-то?”»).

Несмотря на кажущуюся наивность и простоту, Любовь все же насторожено относится к Егору, ведь он недавно освобожден из тюрьмы. Заведомо негативное отношение социума к уголовникам является сильной **когнитивной психоглоссой**. Проявление этого стереотипа мы видим

в речи родственниц Любы – Зои (жена брата) и Михайловны (матери). Женщины против появления в семье уголовника как такового. В своих суждениях они не обращаются к Егору как к личности, а определяют отношение к нему лишь через призму его социального статуса.

Репрезентативно описание разговора между тремя женщинами: Михайлона и Зоя стараются убедить Любу в неправильности ее действий («загнали в угол Любу и наперебой допрашивали ее»). Автор использует идиому «загнали в угол» не случайно: обе женщины ведут себя с Любовью подобно охотникам – не дают отбиться от нападения (физического и словесного). Но из их слов читатель понимает, что женщины боятся не столько за свою жизнь, сколько опасаются порицания в обществе: «ведь вся уж деревня знает: к Любке тюремщик приехал! Мне на работе прямо сказали...»; «не позорь меня перед людьми».

Но несмотря на свою внутреннюю силу, героиня боится сознаться окружающим и себе в чувствах к Егору: «Гляди-ка, Верка, присохла ведь я к мужику-то. – Сказала и сама подивилась. – Ну, надо же! Болит и болит душа – весь день». В этой фразе очень важна авторская ремарка. Любовь сама удивлена появлению этого чувства в себе. Любовь словно хочет поправить свою репутацию в глазах общества, и оправдывается за общение с Егором: «Так напишет – прямо сердце заболит, читаешь. И я уж и не знаю: то ли я его люблю, то ли мне его жалко. А вот болит душа – и все».

Подруги не верят в искренность чувств Егора и или жалеют глупую женщину («Ну и судьбина тебе выпала! Живи одна, Любка. Может, потом путный какой подвернется») или предлагают примириться с бывшим мужем-пьяницей («Любка, не дури: прими опять Кольку, да живите»).

В. М. Шукшин запечатлеет в словах Веры (подруги Любы) мышление современной ему советской женщины, примиряющейся с алкоголизмом своего супруга ради сохранения статуса семьи («Все они пьют нынче! Кто не пьет-то? Мой вон позавчера пришел... Ну, паразит!..»). При этом обе собеседницы Любы критикуют ее выбор. Вера живет с алкоголиком, полагивает его и сама не счастлива в браке («Пришел, кэ-эк я его скалкой огрела! Даже сама напугалась. А утром встал – голова, говорит, болит, ударился где-то. Я ему: пить надо меньше»).

Такое мышление характерно для большинства героинь прозы В. М. Шукшина. Женщины, описанные автором, согласны терпеть алкоголизм, измены и побои своих мужей ради сохранения семьи как социального института. Люба же смогла выбрать себя вместо семьи.

Еще более волевой шаг совершает героиня повести «Позови меня в светлую даль...» Агриппина Игнатьевна Веселова, которой автор дает прозвище «Груша». Она решается на развод с мужем-алкоголиком, хотя у нее есть ребенок.

Но характер Груши кардинально отличается от характера Вали и Любы. Агриппина кроткая, чуткая женщина, способная на волевые поступки ради сына, но не ради себя.

Груша способна терпеть рядом с собой скучного и отчасти глупого мужчину. Делает она это не из-за своих чувств к нему, а из-за общественного натиска. Героиня чувствует себя несчастной из-за отсутствия мужчины в семье как в бытовом плане (рассуждение о соседском хозяйстве: «Мужик-то в доме, так и держут. Зато всю зиму без горюшка – с мясом. Мужик-то есть, чего не держать?»), так и в моральном («Был бы отец-то... Нас-то много они слушают!», «Алименты свои плотит и довольный. А тут рости как знаешь»).

Такой патриархальный взгляд на мир закреплён в ее **лексической психоглоссе**. Груша всегда с трепетом отзывается о мужчинах, ведет себя учтиво, даже с надоедливym Володей («Груша, изумленная таким требованием, посмотрела на своего жениха... И ничего не сказала»), часто отмалчивается в его присутствии в его угоду («Вообще Витьку удивляло, что мать, обычно такая живая, острая на язык, с дядей Володей во всем тихо соглашалась»). Быть хорошей хозяйкой ради создания домашнего очага – внутренняя установка героини, выраженная в ее **когнитивной психоглоссе**. Например, когда она узнает о приходе *«будущего жениха»*, она первым делом хочет привести в порядок дом, а не себя.

Груша лишена жеманства и кочевничества. Она изображена как простая, доверчивая русская женщина, способная на волевые поступки, но не в угоду себе, а для других. Лишь оставшись наедине с сыном, Груша может быть честна и признаться, что ухажер ей не нравится: «Немолодая уж я, сынок, – выбирать-то. Вот штука-то. Время мое ушло. Ушло времечко... – Мать вздохнула. – Десять бы годков назад – этот бы дядя Володя». Это и есть ее внутренняя установка, являющаяся **когнитивной психоглоссой** советских женщин. Груша немолода и с ребенком, она не достойна лучшего, и поэтому должна смириться с неинтересным ей Володей. Лишь единожды она пробует сказать брату, что ей не нравится скучный Володя («У него же разговоров больше нету: пить бросил да мебель»), но вместо поддержки она вновь получает порицание («И зря ты про мужика так думаешь, зря. Хороший мужик...»).

В речи брата Николая запечатлена еще она **когнитивная психоглосса**, характерная для советского общества: «Бабам же нынче что – лишь бы не

пил да деньги зря не мотал». Неприкрытый сексизм, выраженный через ущемление женского права на любовь. Стоит отметить, что подобный сексизм находит отражение уже и в речи Витьки – будущего поколения. Во время разговора с дядей парень признается, что среди двоечников есть одна девочка и «мы ее жучим, чтоб она исправлялась. Она бестолковая».

Таким образом, мы видим, что в языке героинь, в их поступках и мотивации их действий отразилась ориентированность на социальные изменения в советском обществе. Героини повестей В. М. Шукшина находятся на пороге нового времени, где функция женщины в социуме значительно трансформируется и приобретает больший общественный вес. Валя Ковалева, Любовь Байкалова и Агриппина Веселова – совершенно иной тип советской женщины, свободолюбивый и независимый.

Библиографические ссылки

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987.
2. Шапошникова И. В. Мотивационная база реформы образования и профессиональная идентификация русской языковой личности // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4 (34). С. 124–145.
3. Шукшин В. М. Брат мой [Электронный ресурс]. URL: <https://litlife.club/books/27097/read> (дата обращения: 05.02.2021).
4. Шукшин В. М. Калина красная [Электронный ресурс]. URL: <https://litlife.club/books/27125/read> (дата обращения: 05.02.2021).
5. Шукшин В. М. Позови меня в светлую даль... [Электронный ресурс]. URL: https://librebook.me/pozovi_menia_v_dal_svetluiu/vol1/1 (дата обращения: 05.02.2021).